ISSN 2788-7979 (online)

МРНТИ 17.82.30 DOI: 10.59102/kufil/2026/iss3pp328-341

З.К. Темиргазина[1], Ж.Е. Атыгаева[1]
[1]Павлодарский педагогический университет имени Ә. Марғұлана, 143002, Павлодар, Казахстан

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ПРОЗЕ РОЛЛАНА СЕЙСЕНБАЕВА

В статье представлен анализ проявлений магического реализма в творчестве казахского писателя Роллана Сейсенбаева. Элементы магического реализма рассматриваются в контексте колониального и постколониального дискурса. Нами установлены некоторые специфические черты реализации магического реализма в произведениях Сейсенбаева. Автор конструирует двоемирие, в котором смешивается объективное и мистическое, сосуществуют и взаимопроникают фантастическое и реальное. Магический реализм как литературный метод помогает более глубоко осмыслить окружающую колониальную действительность, увидеть скрытые мотивы и потаенные связи в ней. Нами выявлено несколько основных направлений в реализации магического реализма в поэтике Сейсенбаева, обусловленные влиянием колониального и постколониального дискурса. Это своеобразие хронотопа, трактовка природы как живой силы, различные способы инкорпорирования сверхъестественного в реальность, глобализация локальных мифов. Хронотоп характеризуется размытостью и проницаемостью границ между реальным и ирреальным мирами, способствующими их взаимопроникновению в снах, видениях. Кроме того, для магического реализма типична нелинейность времени, временные скачки и вневременный характер течения сюжета. Природа у Сейсенбаева одухотворена, в романе «Мертвые бродят в песках» море изображено как живое, страдающее существо. Анималистические образы символичны, мутирующие мифические животные Ана-балык, Ата-балык, бурый сом становятся метафорами антропоценного коллапса, когда человек утрачивает контроль над окружающей средой. Кроме снов и видений, естественным способом инкорпорирования мистического в повседневную жизнь становятся легенды, предсказания и фантастические мечты, например, в рассказе «День, когда рухнул мир». Эсхатологичность происходящих в реальности событий (гибель Аральского моря, ядерные взрывы, насильственная эвакуация жителей аула) приводит к актуализации национальных культурных мифов и фольклорных образов в постколониальном контексте.

Ключевые слова: Роллан Сейсенбаев; атемпоральность; сны; видения; мистика; колониальный дискурс; постколониальный дискурс

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Роллан Сейсенбаев – казахстанский писатель, чьи произведения уже стали современной классикой. В его работах художественная реальность отражает мировоззрение и философию автора, сформировавшуюся под влиянием социально-политических факторов: колониальной политики, проводимой руководством Советского Союза в Казахстане, идеологического давления, страшных экологических бедствий второй половины XIX века, становления независимого Казахстана. Судьба родины, дома, народа – это вечные темы, которые являются источником формирования колониального и постколониального дискурса в творчестве Роллана Шакеновича. Несмотря на историзм, реалистическую направленность в изображении социально-политической действительности, художественный метод Р. Сейсенбаева тяготеет к литературному стилю магического реализма.

Термин «магический реализм», как полагает большинство исследователей, восходит к эссе «Magical Realism: Post Expressionism» (‘Магический реализм: постэкспрессионизм’)

ISSN 2788-7979 (online)

немецкого искусствоведа Франца Ро 1925 года, в котором он использовал его для описания постэкспрессионистского стиля в живописи. Кейт Кеффри (Cait Caffrey) пишет о появлении этого термина в работе Ф. Ро и о его невостребованности до 50-х годов XX века: “The essay focuses on the demise of Expressionism, an early twentieth century abstract art movement that uses distortion and exaggeration to express emotions. Roh praised this return to realistic representation, which contains a much more subtle mystery than the fantastical depictions of Expressionists. Roh also distinguishes the movement from Surrealism, which despite incorporating symbolic mystical elements, is solely dedicated to the unreal. The term was not widely circulated until the 1950s, however” [1]. [В эссе рассматривается упадок экспрессионизма, абстрактного художественного движения начала XX века, использующего искажения и преувеличения для выражения эмоций. Ро высоко оценил это возвращение к реалистическому изображению, которое содержит гораздо более тонкую загадку, чем фантастические изображения экспрессионистов. Ро также отличает это движение от сюрреализма, который, несмотря на включение символических мистических элементов, полностью посвящен нереальному. Однако этот термин не получил широкого распространения до 1950-х годов. – Перевод наш. З.Т., Ж.А.].

Сегодня магический реализм относится к влиятельным тенденциям в мировом литературном процессе. Один из крупнейших теоретиков магического реализма в литературе Венди Б. Фарис (Wendy B. Faris) определяет его как художественный метод, в котором волшебные и сверхъестественные элементы органично вплетены в реалистичную картину мира, и магические элементы как бы вырастают из изображаемой реальности [2, 5]. Этот литературный стиль зародился в середине XX века, в основном в литературе Латинской Америки, см., например, произведения Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», Хулио Кортасара «Игра в классики», Исабель Альенде «Дом духов» и др. Магический реализм, как полагают литературоведы, стирает границы между реальным и фантастическим, потому что для магических реалистов мир многомерен. В нём помещается и воображаемое, и реальность, а сам человек внутри этого мира может путешествовать и выбирать то измерение, где ему комфортнее и где он может обрести «духовную родину». Венди Б. Фарис в книге «Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative» (‘Обычные чары: магический реализм и ремистификация повествования’) установила его основные характеристики, такие как «неустранимые магические элементы», достоверный «феноменальный мир», «тревожные сомнения» читателя, слияние миров и нарушение законов времени/пространства [2, 9–10].

Фарис рассматривает произведения не только латиноамериканских писателей, но и таких авторов, как Салман Рушди, Гюнтер Грасс, Тони Моррисон и Бен Окри. Исследователь утверждает, что, сочетая реалистическое изображение с фантастическими элементами, так что чудесное органично вырастает из обыденного, магический реализм тем самым дестабилизирует доминирующую форму реализма, основанную на эмпирических определениях реальности. Магический реализм наделяет эту реальность визионерской силой и приводит к нарративному процессу, который можно назвать «ремистификацией» повествования. Автор сравнивает его культурную роль с ролью традиционных шаманских представлений, которые объединяют мир повседневной жизни и мир духов. Благодаря этой способности соединять разные миры, магический реализм служит эффективным деколонизирующим инструментом, создавая почву для развития и создания художественных шедевров в развивающихся национальных литературах. В то же время, как полагает Фарис, этот процесс не ограничивается постколониальными ситуациями, а представляет собой глобальную тенденцию, которая обновляет реализм изнутри [2, 29–30]. Именно поэтому многие исследователи считают эту тенденцию прогрессивной культурной работой магического реализма.

Среди других известных ученых, занимающихся проблемами магического реализма, можно отметить Юджина Арву (Eugene Arva) [3], Ким Андерсон Сассер (Kim Anderson Sasser) [4]. Для нашего исследования принципиально важно, что Ю. Арва [3] и К.А. Сассер [4]

ISSN 2788-7979 (online)

рассматривают магический реализм в контексте его взаимосвязей с колониальным дискурсом. Они анализируют, как магический реализм вплетает фантастические элементы в повседневную жизнь для изображения колониальной реальности и исторической травмы в маргинализированных культурах, для обретения национальной или региональной идентичности, например, в сербской или латиноамериканской литературе. Важным для нашего исследования является мнение Стивена Слимона (Stefan Slemon) [5] о взаимообусловленности магического реализма в национальных литературах и колониального прошлого народов. Как утверждает Слимон, магический реализм как литературная практика тесно связан с восприятием «жизни на обочине», кодируя в себе концепцию сопротивления массивному имперскому центру и его тоталитарным системам [5, 9–10].

ВВЕДЕНИЕ

Магический реализм характеризуется обыденностью чуда, герои воспринимают магию как повседневную, обычную часть жизни. В смешении объективного и мистического миров создается двойная реальность, рождается идея двоемирия – сосуществования вымышленного и действительного, фантастического и реального. Художник не отрывается от действительности, но параллельно строит собственный идеальный мир, подчинённый его внутренним законам, которые могут меняться по воле автора. В магическом реализме всегда остаётся больше вопросов, чем ответов; для него типичен открытый финал, который заставляет читателя самому подводить итоги и делать выводы из прочитанного.

В произведениях магического реализма воплощаются темы одиночества, неприкаянности и переосмысления существующей реальности. Несмотря на множество событий, насыщенность сюжетных коллизий, герои магических реалистов обычно очень одиноки. Они пытаются понять, зачем живут, и бесконечно ищут своё место в этом многогранном мире, в этой «неустойчивой» реальности. Мы видим это на примере главного героя романа Сейсенбаева «Мертвые бродят в песках» Кахармана, мятущегося в постоянных поисках спасения Аральского моря. Для магического хронотопа типично искажение времени и пространства, настоящее повторяет прошлое или меняется с ним местами, герои часто видят сны, подменяющие реальность, им приходят видения. Время воспринимается как условность, поэтому может замедляться и ускоряться, дробиться и искажаться. Своеобразна и роль фольклора. Миф в магическом реализме – это не только отсылка и создание колоритных образов, но ещё и способ познания существующей реальности. Через мифы, легенды и верования писатели пытаются осмыслить мир, в котором мы живём сейчас; важно также, что автор не объясняет механику работы магии. Магический реализм позволяет авторам через призму вымысла исследовать реальные социальные, исторические и психологические проблемы. Некоторые исследователи говорят о том, что магический реализм остаётся привлекательной и активной категорией, поскольку новые произведения искусства и литературы в мире квалифицируются как таковые [6, 1].

Творчество Роллана Сейсенбаева достаточно хорошо изучено с различных точек зрения. своеобразия взаимоотношений интеллигенции и народа. А.Ж. Жаксылыков в своей фундаментальной монографии [7] осуществил глубокий анализ драматического излома в отношениях между интеллектуальной средой и простыми людьми в прозе Сейсенбаева. Он исследовал духовный кризис и причины «ущербности нравственной позиции» некоторой части современной интеллигенции, а также интеграцию национальных казахских проблем (социальных, экологических, нравственных) в общечеловеческий, глобальный контекст, показав, что пути возрождения и выхода народа из духовной или культурной изоляции возможно через приобщение к ценностям мировой культуры и гуманизма. В статье О.К. Андрющенко, Г.К. Абзулдиновой выявляется отражение мировоззренческих и философско-нравственных проблем казахского общества эпохи природного кризиса Аральского моря в романе Сейсенбаева «Мертвые бродят в песках» [8]. Интерес исследователей вызывает стилистическая специфика этого романа, репрезентированная в стратегии стилистического

ISSN 2788-7979 (online)

«пэчворка» [9]. Однако проблема поэтики магического реализма во взаимосвязи с колониальным дискурсом в прозе писателя до сих пор не изучена, что обусловливает новизну нашего исследования.

Таким образом, близость художественного метода Сейсенбаева к магическому реализму определяет цель исследования – выявить особенности поэтики магического реализма в постколониальном контексте в произведениях писателя. В рамках этой цели решаются следующие задачи:

1) установить специфику хронотопа с точки зрения реализации постулатов магического реализма;

2) проанализировать роль природных явлений, в частности, анималистических образов как одухотворенной магической силы;

3) определить роль ирреального (снов, видений, легенд, пророчеств) в концептуализации идей колониального дискурса.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В работе выдвигается гипотеза о том, что поэтика магического реализма является художественно-эстетическим способом отражения в прозе Сейсенбаева деколониальных мотивов, проблемы исторической травмы, экологической катастрофы, утраты и возвращения национальной идентичности, исторической памяти и духовной культуры.

В качестве материала исследования были выбраны четыре произведения Р. Сейсенбаева: повесть «Заживем после войны» [10], рассказ «День, когда рухнул мир» [11] и романы «Мертвые бродят в песках» [12], «Трон сатаны» [13]. Основанием для отбора произведений стали художественно-стилистическое использование автором приемов магического реализма в них, общность эсхатологических мотивов в заглавиях и идейно-художественном содержании произведений.

Для анализа используются структурно-семиотический и историко-литературный методы, дающие возможность выявить элементы магического реализма в поэтике произведений Сейсенбаева, в их идейно-художественной проблематике, обозначая связь с колониальной историей Казахстана.

Главная цель при применении структурно-семиотического метода в нашем исследовании – расшифровать скрытые культурные механизмы, благодаря которым текст транслирует определенные смыслы, формирует авторскую картину мира и взаимодействует с читателем. Согласно интерпретации Ю.М. Лотмана, при структурно-семиотическом методе в литературоведении художественный текст рассматривается как сложная иерархическая система знаков, смысл которой рождается из взаимодействия элементов структуры и их семиотических кодов. Поскольку литература трактуется как вторичная моделирующая система, где элементы текста образуют единое знаковое пространство, структурно-семиотический метод объединяет два взаимосвязанных направления: во-первых, структурное направление, в котором выявляется внутренняя организация произведения, его «каркас», состоящий из оппозиций, сюжетов, мотивов и ритмических единиц; во-вторых, семиотическое направление, в котором изучаются механизмы означивания в магическом реализме. Структурно-семиотический анализ раскрывает то, как конкретные образы, детали (цвета, формы и т.д.) в нарративе Сейсенбаева становятся элементами магического преобразования действительности и приобретают символическое значение, формируя авторскую художественную идею, отраженную в хронотопе произведения, в анималистических символах, в снах, видениях и исторических легендах.

Второй по значимости используемый в нашей статье метод – историко-литературный. Этот фундаментальный метод, который дает нам возможность рассмотреть литературные произведения Роллана Сейсенбаева как закономерный продукт исторического развития, представить тексты сквозь призму колониальной эпохи их создания, в культурно-

ISSN 2788-7979 (online)

историческом контексте, выявить влияние времени, идеологии на замысел автора и интерпретацию произведений читателями в определенную эпоху.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В реалистичную картину художественного мира произведений Роллана Сейсенбаева органично интегрируются мифологические мотивы, фольклорные элементы. При этом нереальное, чудесное у него жизнеподобно и не нуждается в каком-либо обосновании. Магическое существует в тесной связи с реальным, формируя метафизический пласт хронотопа. Мы выделяем несколько основных проявлений магического реализма в поэтике произведений Сейсенбаева, существенные для формирования в них колониального и постколониального дискурса: своеобразие хронотопа, восприятие природы как живой силы, способы инкорпорирования сверхъестественного в реальность, результатом функционирования которых является глобализация локальных мифов.

1. Границы и атемпоральность хронотопа

В организации хронотопа проявляется особая роль пространства сна как промежуточного состояния между реальным и ирреальным, метафизическим. Оно содержат знаки, установки, ретроспекции, дополняющие картину происходящих событий, побуждающие героев к действиям или объясняющие их поступки и состояния. При этом граница между сном и реальностью часто расплывчата. Так, в начале автобиографического рассказа «День, когда рухнул мир», посвященного ядерным взрывам на Семипалатинском ядерном полигоне, главному герою Роллану снится сон, в котором дух умершего отца напоминает ему о трагедии и предупреждает, что испытания возобновились и «земля дрожит снова». Автором создается двоемирие, в котором фантастический и реальный миры проникают друг в друга, переплетаются так, что магическое становится частью обыденного:

Я подался вперед, я хотел поддержать отца, но тут же ощутил эту зияющую пропасть: он в том мире, я в этом… И все же я протянул ему обе руки, так мне хотелось помочь ему выбраться из могилы. “Осторожнее… Ты рискуешь упасть и разбиться”, – предупредил меня отец, кутавшийся в оборванный белый саван [11].

Автор последовательно формирует в рассказе хронотоп, типичный для магического реализма, характеризующийся проницаемостью границ между «волшебным» и реальным мирами и атемпоральностью. Герой перемещается в разное время с помощью «магических» инструментов – снов, видений либо с помощью воспоминаний, в которые также инкорпорированы элементы фантастического:

Мы принялись жадно разглядывать громадные военные машины, снующих повсюду солдат, которые ***точно из-под земли появились****.*

– Смотрите… Раз, два, три… Десять колес у каждой из этих машин, – сказал Серикбол.

– Вот это да… Десять… ***Как в сказке****… – загалдели мы, пытаясь забраться в кабину, кузов* [11];

Что такое "эвакуация", мы тогда еще не знали, но сразу же почувствовали нечто недоброе. Веяло от этого ***загадочного, туманного слова*** *страхом и неопределенностью* [11].

Тем самым автор передает восприятие происходящих событий жителями аула как аномальных, нереальных, коренным образом меняющих их жизнь. Специфическим для магического реализма Сейсенбаева является мифологический мотив эсхатологичности происходящего, поскольку экологические катастрофы ставят реальность на грань гибели и исчезновения:

– На войну шли, такого ужаса не чувствовали, – заметил кто-то из стариков.

– То была война, а ***это – конец света*** [11].

О доминировании эсхатологического мотива в идейном содержании произведений Сейсенбаева свидетельствуют их заглавия: «День, когда рухнул мир», «Заживем после войны», «Мертвые бродят в песках», «Трон сатаны». В них акцентируются религиозные мифы

ISSN 2788-7979 (online)

о конце света; о постапокалиптической эре, когда оживают все умершие; о победе и царствовании Сатаны; о войне как антиподе жизни, как о несовместимом с жизнью явлении.

В конце рассказа Роллан стоит на родной земле, сам ощущает ее дрожь, вызванную подземными взрывами, взывает к родине и вновь говорит с отцом. Сон таким образом перетекает в форму видения:

– Здравствуй, сын! – сказал отец. Он неожиданно возник подле меня и теперь торопливо исчезал, испарялся в степи. – Сын мой, ты можешь и должен пройтись по родной земле босиком. Ведь это твоя земля, земля твоих предков… [11, 46].

Героев Сейсенбаева во снах и видениях часто посещают умершие, они предупреждают их, дают наставления, напоминают о том, что действительно важно для человека, народа, Родины. Приемы магического реализма органично укладываются в национальное мировосприятие казахского народа, прочно сохраняющего мифопоэтические истоки. В частности, речь идет о культе предков – аруақов, который до сих пор активно транслируется в сознании и поведении казахов. Аруақи – духи предков, согласно языческим представлениям казахов, живут в мистическом мире, охраняя и защищая своих потомков (см.: [14]).

Таким способом Сейсенбаев осуществляет глобализацию локальных, национальных мифов, включая их в общечеловеческий универсальный контекст. К характерным чертам современного этапа развития магического реализма относится тенденция к усилению национальных культурных истоков: мифопоэтических и фольклорных.

2. Природа как одухотворенная сила: анималистические символы

В классическом магическом реализме природа выступает как живая сила, одухотворённая мифологическим сознанием (реки, море, горы, деревья, животные как хранители памяти). В произведениях Сейсенбаева природа трансформируется в символ экологического кризиса, созданного колониальной властью, – пересыхание и гибель моря, ядерные взрывы. Оживающие ландшафты или мутирующие животные становятся метафорами антропоценного коллапса, когда человек утрачивает контроль над окружающей средой. Животные-духи являются важным элементом магического реализма у Сейсенбаева, функционируя в качестве анималистических символов трагедий как эпохальных событий. Они наделяются способностью говорить, страдать, испытывать эмоции, пророчествовать, как человек. Часть из них также проникает в художественный мир через сны героев. Маленького Роллана в рассказе «День, когда рухнул мир» перед началом испытаний во сне посещает барс:

– Не бойся, не бойся меня, – вдруг зашептала тень человеческим голосом. – Вам будет тяжело, малыш, но вы должны выдюжить. ***Помни, все помни, сынок! Запоминай, запоминай, запоминай!*** *Ибо придет такое время, которое заставит тебя поведать миру правду, горькую правду о том, что ты видел…* [11, 25].

Барс настойчиво просит мальчика запомнить происходящее, потому что он должен будет в свое время рассказать миру правду о трагедии казахов, т.е. стать хранителем исторической памяти своего народа. В мифологии кочевников барс выступает в качестве «смерть несущего» образа, наделенного такими качествами, как неумолимость намерений, сила, непоколебимая воля [15, 90–91]. В рассказе барс – символ долга, противостояния трудностям, силы духа. И вновь граница между сном и реальностью, реальным и сверхъестественным стирается, когда после пробуждения Роллан видит наяву на своем плече следы когтей:

– Барс! Это следы когтей! – мелькнуло у меня. – Но как же так, как же так? Ведь не было же его наяву. Ведь я спал… [11, 25].

Это некий магический обряд инициации мальчика в хранителя исторической памяти о трагических событиях, осуществленный на границе полуяви – полусна.

Другим анималистическим символом голоса одухотворенной природы, последствий ядерных испытаний в рассказе является кошка по кличке Рыжая. После первого взрыва водородной бомбы она поседела, заплакала и в разговоре с ребенком описала боль всего живого после произошедшего:

– Тебе больно? – спросил я кошку.

ISSN 2788-7979 (online)

– Больно – это не то слово, мне жутко, жутко, мальчик… <…> Мне кажется, я скоро умру, мальчик. Ведь я была ТАМ, и у меня теперь все нутро горит. Кто был ТАМ, тому не выжить, об этом все говорят [11, 37].

Так, в романе «Мертвые бродят в песках», повествующем о пересыхании Аральского моря, появляются мифологические рыбы-хранители моря Ата-балык (Рыба-отец) и Ана-балык (Рыба-мать). Они выступают предвестниками трагедии, посещают главного персонажа Кахармана во снах и предупреждают о гибели Арала:

Она двигалась тяжело, была до последней степени исхудалой. Рядом плыла другая рыба – рыба-мать, тоже худая и изможденная. За ними тянулся косяк. И чем ближе подплывал этот косяк, тем страшнее становилось Кахарману. Плотное скопище не рыб, но каких-то уродливых существ надвигалось на него. Это были твари с двумя или тремя головами, со страшными хвостами… [12, 296].

На протяжении всего романа мы наблюдаем за противостоянием рыб-прародителей и бурого сома, символизирующим борьбу добра и зла, которая заканчивается смертью моря.

В повести «Заживем после войны» у одинокого инвалида, ветерана войны Шигинсыза появляется друг – голубь, который символизирует важность душевной близости и дружбы для каждого живого существа. Голубь обладает магическими свойствами: он разговаривает с персонажем. Шигинсыз, раненный на войне, обреченный на одиночество, вновь находит силы и желание жить, осознает собственную значимость, когда в его жизни появляется голубь, о котором нужно заботиться, выхаживать, лечить сломанное крыло:

– Я скучал без тебя все лето, – сказал голубь.

– Ты искал меня?

– Искал, у меня крылья от тоски опускались… Я тебе и раньше говорил, живое тоскует по живому, но ты не верил… [10, 445].

Именно устами голубя, символа мира, автор озвучивает укор человеку, который использует свою свободу не во благо, а для угнетения других:

Большей свободы нет на земле, чем родиться на ней человеком; Вы люди сами виноваты во всем. Вы – свободны, но всегда готовы уничтожать друг друга… [10, 402].

3. Сны, легенды, видения как способ инкорпорирования сверхъестественного в реальность

Р. Сейсенбаев часто использует мифологические, полуисторические легенды и вставки, которые как внесюжетные элементы напрямую не влияют на развитие основного конфликта, но дополняют его глубиной интерпретации сюжета и хронотопа во времени, ощущением вневременья, атемпоральности – относительности и субъективности восприятия художественного времени. Легенды и мифы повествуют о казахских батырах, джигитах, мыслителях и поэтах, чьи судьбы тем или иным образом соотносятся с главными героями и их жизненными трудностями, углубляя идейно-художественное содержание романа. Так, в текст романа «Мертвые бродят в песках» включена легенда о Коркут-баба, который пытался «перехитрить смерть». Она сюжетно привязана к главному герою Кахарману, который сравнивает себя с акыном Коркутом, потому что сам в отчаянии бродит по всем уголкам казахской степи в попытке ускользнуть от страшной реальности, не встретиться лицом к лицу со смертью родины – гибелью Аральского моря: *Я с каждым годом становлюсь смешнее и смешнее, как Коркут-баба* [12, 280]. А миф о сакском воине Иманбеке и его великолепном волшебном коне, перетекая из рассказов героев в реальность, кристаллизует представление автора о характере истинного казаха и его неразрывной связи с природой: провозглашает ценность дружбы и чести; показывает, что испытания несправедливостью, невзгодами и лишениями придают человеку стойкость; дает понять, что благосклонность природы нельзя ни купить, ни продать. Могилу Иманбека, скрываемую советской властью от людей, герои находят лишь в самом конце романа, в разгар соляной бури на Арале. Это символично, поскольку демонстрирует одну из основных колониальных идеологем: у колонизированного народа не должно быть истории и не должно быть своих героев.

ISSN 2788-7979 (online)

Один из персонажей рассказа «День, когда рухнул мир» аксакал эвакуируемого военными аула возмущен подобным отношением к своему народу и высказывает его военному, «казенному человеку», воплощающему в глазах жителей казахского аула советскую тоталитарную политику:

Они в упор глядели друг на друга, рослый статный подполковник и сутулый, но все еще могучий, жилистый дед, чья цепкая рука крепко сжимала камчу.

– А ты знаешь, казенный человек, что вытерпел этот народ? Нет, ты не знаешь этого. Ты не знаешь, что наша земля – это земля великих и святых людей! Веками жили мы в этой степи, мирно кочуя и никого не обижая. Здесь наши джайляу. Здесь родился наш Абай. Потом он стал неугоден властям, и за одно только упоминание его имени нас ссылали в Итжеккен – Сибирь. Потом расстреляли Шакарима, нашего великого поэта и философа, с которым дружил ваш Лев Толстой и опять – стоило казаху заикнуться о Шакариме, как он тут же оказывался в Сибири. Лучшие люди в ссылке умирали… Вот ты из Семипалатинска приехал, так вся наша степь от аула до Семипалатинска была человеческими трупами покрыта – голод, ты знаешь, что это такое? Ты знаешь, скольких он выкосил? А потом – война. Скольких и она унесла, тут каждый второй джигит на чужой стороне пал. А посмотри, что едят колхозники, что они на трудодень получают? Да мы не живем, а существуем. Многие не то что вкус мяса, вкус хлеба забыли. За каждого колхозного барана головой можно поплатиться… Так скажи, казенный человек, когда наш народ будет жить? И будет ли он жить?.. Ты ведь нас на смерть гонишь… Разве не так? [11].

С горечью вспоминая непростую многовековую историю своего народа, аксакал обвиняет советскую тоталитарную власть в геноциде казахов, в замалчивании и уничтожении национальной истории и культуры. Прошлое народа в колониальной идеологии трактуется как нереальная, не существующая действительность, проще говоря, фантазия отдельных людей или групп людей, т.е. по Ж. Бодрийяру, симулякр, лишенный своей реальной основы-образца. Лишить народ исторической памяти – значит уничтожить его духовность, превратить в бессловесное, покорное стадо; такова железная логика тоталитарной общественной системы. Магический реализм в художественном дискурсе Сейсенбаева предлагает позитивный, освобождающий ответ на имперское историческое наследие.

Еще одним способом включения мистического и эсхатологического в реальную жизнь героев являются пророчества, предсказания и фантазии-мечты. В рассказе «День, когда рухнул мир» изображен эпизод из детских воспоминаний мальчика о предсказании конца света:

Этот парень, грязный, оборванный, тощий, рассказывал такие страшные истории, что нас, аульских мальчишек, дрожь била. Он утверждал, что людей и землю ждет конец света, после чего настанет судный день, когда человек ответит за все свои грехи. Потом он раздал листочки, где (до сих пор помню!) крупными буквами было написано: Конец света. 1953 год. 17 августа. 6 часов 12 минут. Все начнется в Казахстане! И вот он, кажется, наступает, предсказанный бродягой конец света. <…> День-другой – и душа моя предстанет перед небесным судилищем… Надо мной, над всем, что меня окружает, нависло черное облако смерти… [12].

В сознании мальчика предсказанный конец света уже наступает, ситуация с эвакуацией жителей аула слишком похожа на этот конец света, и он мысленно готовится к неизбежной смерти.

Сейсенбаев также показывает, что в фантастических мечтах детей воплощается не только мотив смерти, но и светлая позитивная магия, не омраченная жизнью и наполненная верой в лучшее будущее. Автор описывает детские мечты маленькой девочки Кенже, погибшей от взрыва ядерной бомбы:

Мечты были детские, незамысловатые, фантастические. Кенже, малышка Кенже, в свои шесть лет изъяснялась загадочно, странно, и вот что удивительно – фантазии у нее всегда были цветные, яркие. "Будет хорошо, степь будет благоухать, – говорила она, – цветы алые так хорошо пахнут, и синее-синее небо будет нежно глядеть на нас, и золотое солнце

ISSN 2788-7979 (online)

весело засияет, и на это золотое зеркальце можно будет смотреть сколько угодно. Золотое, ласковое, единственное солнце мое!.." [12].

Автор подчеркивает обращенность маленькой девочки к мистическому миру, ее связь со сверхъестественным: несмотря на незамысловатость своих фантазий, в шесть лет она изъясняется «*загадочно, странно*», и это поражает окружающих своей мистической таинственностью. Магия и повседневность переплетаются, подчеркивая выживание самобытности и самоценности личности под давлением тоталитарной идеологии и колониальной действительности, несущей смерть и разрушение.

В романе «Трон сатаны» параллельно развиваются две сюжетные линии: повествование о судьбе молодого парня Абылая и сюжет древней легенды о казахском воине Кушикбае. Их судьбы пересекаются в той точке, где они, следуя принципам мужской чести, защищают девушек от насилия и позора, при этом сами попадают в немилость власть имущих. Автор использует прием «переклички» судеб двух героев в сюжете романа: реальная судьба Абылая подкрепляется магической реальностью легенды. Легенда о Кушикбае, честном, смелом и мудром воине, столкнувшемся с несправедливостью, бесчестием родного народа, создает мотив повторяющейся истории, которая отражена в горестном обращении отчаявшегося героя к степи как символу родины, материнства:

О степь, степь, добрым своим сыновьям ты не приносишь счастья, а злых и коварных стараешься не замечать… О степь, степь, куда нам деваться и у кого искать защиты?.. Я хотел отдать жизнь за честь моего народа, но отчаялся… [13, 256].

Абылай, воспитанный на принципах высокой морали, чести, справедливости, также вынужден бороться с произволом в неравной, настойчивой и безуспешной борьбе, страдая от своей принципиальности и непокорности. История Абылая в создаваемой автором «реальности» выступает симулякром, копией трансцендентального образца – казахского батыра Кушикбая, легендарного персонажа, история которого внедрена в нарратив романа посредством использования приема магического реализма.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты исследования функционирования магического реализма в прозе Роллана Сейсенбаева представлены в Таблице ниже.

Таблица. Функции элементов магического реализма в произведениях Р. Сейсенбаева
Кесте. Р. Сейсенбаевтың шығармаларындағы сиқырлы реализм элементтерінің функциялары
Table. Functions of magical realism elements in the works of R. Seisenbaev

Элементы магического реализма	**Функции в повествовании**	**Специфика авторского использования**
Хронотоп произведения	1) Пространство и время хронотопа произведения функционируют как промежуточное состояние между реальным и ирреальным. 2) В хронотопе акцентируется проницаемость границ между «волшебным» и реальным мирами, вневременность (атемпоральность)	Связь между историей и настоящим временем, объединяющая их в единый пространственно-временной континуум
Одухотворенная, «оживленная» сила природы	Символизация элементов природы, превращение их в «говорящие» персонажи	Анималистические символы, восходящие к национальной мифологии
Сны, видения персонажей, легенды древности	1) Способ инкорпорирования сверхъестественного в реальность. 2) Преобразование локальных мифов в универсальные общечеловеческие понятия	Мифопоэтические истоки казахского культа аруаков (предков)

ISSN 2788-7979 (online)

Сейсенбаев использует абсолютизацию элементов сверхъестественного и чудесного для глубокого осмысления самых трагических страниц национальной истории, и, как ни парадоксально это звучит, для **реалистического** отображения травматических событий в истории страны.

В логике тоталитарной советской идеологии многовековая история казахского народа замалчивалось и предавалось забвению. Магический реализм писателя, создавая многомерную реальность, возвращал историю в легендах, мифах, сказаниях как формах фантастического, оказываясь, согласно идее автора, подлинной, «настоящей» реальностью. Исследователи справедливо отмечают специфику авторского представления философии времени в романе «Мертвые бродят в песках», согласно которой в романе Сейсенбаева историческая канва, достоверный и актуальный фактографический материал являются фундаментом для развертывания масштабной философской концепции, носящей вневременной характер [9, 32].

Прием «переклички» истории и сегодняшнего дня, возможный в контексте магического реализма, восстанавливает историческую память, создает постмодернистскую «неустойчивую» реальность, которая расширяет интерпретационные возможности сюжета, хронотопа романа и в целом художественной идеи произведения для современного читателя, воспринимающего литературное произведение с позиции деколониального и постколониального дискурса, формирующегося в казахстанской научной парадигме. Стивен Слимон [5] утверждает, что магический реализм действует как постколониальный дискурс, предлагая позитивный, освобождающий ответ на наследие имперской истории.

Следование традициям магического реализма в сочетании с обширным вовлечением национального фольклора, мифологии, традиционных культурных элементов в этнических представлениях о фантастическом и мистическом – это другая особенность современного магического реализма, которая четко прослеживается в произведениях казахского писателя. В соответствии с этой тенденцией, писатель переводит локальные мифы, локальное мистическое в общечеловеческий контекст, глобализируя и универсализируя казахскую мифологию, национальный фольклор и мистические представления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдвинутая гипотеза подтвердилась в результате анализа художественных произведений Роллана Сейсенбаева. В целом вкрапления «чудесного», магического, ирреального в художественную картину мира дополняют эсхатологическую, в некоторой степени антиутопическую картину колониальной советской реальности, которая отражена в прозе Сейсенбаева. Концепция магического реализма, основанная на представлении фантастического как части реального бытия, дает возможность писателю четко обозначить советские идеологемы как насильственные колониальные формы размывания и разрушения национальной идентичности, культуры, окружающей природы.

Сверхъестественное в его творчестве проникает в реальность героев, каждый из которых ведет свою борьбу с историческими травмами, экологическими катастрофами, утратой культурных корней и национальной истории. Они выступают как голос предков и голос природы, формируя особую точку зрения на представления о Родине, об Истории, о Памяти и, в конечном счете, о Добре и Зле с позиции современного постколониального дискурса. Реалистичность изображения экологических катастроф – гибели Аральского моря, ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне – дополняется экспрессивной авторской апокалиптической трактовкой событий. Неживое и нереальное говорит с живым и настоящим, из глубины небытия напоминая о том, что действительно важно для человека.

ISSN 2788-7979 (online)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Caffrey C. Magical realism [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.ebsco.com/research-starters/literature-and-writing/magical-realism (дата обращения: 5.03.2026)
2 Faris W.B. Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2004. – 323 p.
3 Arva E.L. The Traumatic Imagination: Histories of Violence in Magical Realist Fiction. –Amherst, NY: Cambria Press, 2011. – P. 1–60.
4 Sasser K.A. Magical Realism and Cosmopolitanism: Strategizing belonging. – Springer, 2014. https://doi.org/10.1057/9781137301901_7
5 Slemon S. Magic Realism as Post-Colonial Discourse // Canadian Literature: A Quarterly of Criticism and Review, 2021. – No. 116. – P. 9–24. https://doi.org/10.14288/cl.v0i116.194263
6 Figlerowicz M., Mertehikian L. An Ever-Expanding World Literary Genre: Defining Magic Realism on Wikipedia // Journal of Cultural Analytics, 2023. – No. 8(2). https://doi.org/10.22148/001c.73249
7 Абдыханов У.К. Роллан Сейсенбаев и мировой литературный процесс. Своеобразие отражения взаимоотношения интеллигенции и народа в прозе Сейсенбаева. – Saarbrucken: Lambert Academic Publishing (LAP), 2015. – 252 с.
8 Андрющенко О.К., Абзулдинова Г.К. Мировоззренческие и философско-нравственные особенности романа Р.Ш. Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам» // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі / Язык и литература: теория и практика. – 2023. – Т. 2, №4. – С. 9–16. https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-6-14
9 Темиргазина З.К., Овчинникова А.В., Абзулдинова Г.К. Стилистический «пэчворк» в романе Р. Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках» // Tiltanym. – 2024. – № 2(94). – С. 30–41. https://doi.org/10.55491/2411-6076-2024-2-30-41
10 Сейсенбаев Р.Ш. Заживем после войны // Если хочешь жить: роман, повести. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 415–446.
11 Сейсенбаев Р.Ш. День, когда рухнул мир: рассказы. – Алматы: Жидебай, Международный клуб Абая, 2002. – 88 с.
12 Сейсенбаев Р.Ш. Мертвые бродят в песках. – Алматы: Жидебай, Международный клуб Абая, 2006. – 672 с.
13 Сейсенбаев Р.Ш. Трон сатаны: романы. – Алматы: Жидебай, Международный клуб Абая, 2007. – 603 с.
14 Темиргазина З.К. Батыр в казахском эпосе как архетип героя: концепции А. Маргулана и современных исследователей // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі / Язык и литература: теория и практика. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 20–27. https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-1-49-56
15 Хазбулатов А.Р. Анималистическая вселенная казахской культуры в диаграмме эпох. – Астана: КазНИИК, 2017. – 560 с.

Материал поступил в редакцию журнала 28.06.2026

Роллан Сейсенбаев прозасындағы сиқырлы реализм поэтикасының өзіндік ерекшеліктері

З.Қ. Темірғазина[1], Ж.Е. Атығаева[1]
[1] Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, 143002, Қазақстан

Мақалада қазақ жазушысы Роллан Сейсенбаевтың шығармашылығындағы сиқырлы реализмнің көріністеріне талдау жасалады. Сиқырлы реализм элементтері отарлық және постотарлық дискурс контекстінде қарастырылады. Зерттеу барысында Сейсенбаев шығармаларында сиқырлы реализмнің жүзеге асуындағы бірқатар өзіндік ерекшеліктер

айқындалды. Автор объективті және мистикалықтың тоғысқан, фантастикалық пен шынайы қатар өмір сүріп, өзара кірігіп жатқан қосәлемдікті құрастырады. Сиқырлы реализм әдеби әдіс ретінде қоршаған шындықты тереңірек ұғынуға, ондағы жасырын мәндер мен көмескі байланыстарды ашуға мүмкіндік береді. Зерттеу барысында Сейсенбаев поэтикасында сиқырлы реализмнің жүзеге асуының отарлық және постотарлық дискурс ықпалымен шартталған бірнеше негізгі бағыттары анықталды. Бұл ерекшеліктерге хронотоптың өзіндік сипаты, табиғатты тірі күш ретінде түсіндіру, табиғаттан тыс құбылыстарды шындыққа енгізудің түрлі тәсілдері, жергілікті мифтердің жаһандануы жатады. Хронотоп шынайы және ирреалды әлемдер арасындағы шекаралардың бұлдырлығы мен өтімділігі арқылы сипатталып, олардың түстер мен көріністерде өзара кірігуіне мүмкіндік береді. Сонымен қатар, сиқырлы реализмге уақыттың бейсызықтылығы, уақыттық секірістер және сюжеттің уақыттан тыс дамуы тән. Сейсенбаев шығармаларында табиғат жандандырылып бейнеленеді: «Құмды кезген өліктер» романында теңіз тірі, азап шегетін тіршілік иесі ретінде көрінеді. Анималистік образдар символдық сипатқа ие: мутацияға ұшыраған мифологиялық жануарлар Ана-балық, Ата-балық, қоңыр жайын адамның қоршаған ортаға бақылауын жоғалтқан антропоцендік күйреудің метафораларына айналады. Түстер мен көріністерден бөлек, мистикалықты күнделікті өмірге енгізудің табиғи тәсілі ретінде аңыздар, болжамдар және қиялға негізделген армандар көрінеді, мысалы, «Әлем күйреген күн» әңгімесінде. Шынайы өмірде орын алып жатқан оқиғалардың эсхатологиялық сипаты (Арал теңізінің тартылуы, ядролық жарылыстар, ауыл тұрғындарының эвакуациясы) постотарлық контексте мәдени мифтер мен фольклорлық образдардың өзектенуіне әкеледі.

Кілт сөздер: Роллан Сейсенбаев, атемпоралдылық, түстер, көріністер, мистика, постотарлық дискурс.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1 Caffrey C. Magical realism [Электрондық ресурс]. – 2022. – URL: https://www.ebsco.com/research-starters/literature-and-writing/magical-realism (қаралған күні: 5.03.2026)

2 Faris W.B. Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2004. – 323 p.

3 Arva E.L. The Traumatic Imagination: Histories of Violence in Magical Realist Fiction. –Amherst, NY: Cambria Press, 2011. – P. 1–60.

4 Sasser K.A. Magical Realism and Cosmopolitanism: Strategizing belonging. – Springer, 2014. https://doi.org/10.1057/9781137301901_7

5 Slemon S. Magic Realism as Post-Colonial Discourse // Canadian Literature: A Quarterly of Criticism and Review, 2021. – No. 116. – P. 9–24. https://doi.org/10.14288/cl.v0i116.194263

6 Figlerowicz M., Mertehikian L. An Ever-Expanding World Literary Genre: Defining Magic Realism on Wikipedia // Journal of Cultural Analytics, 2023. – No. 8(2). https://doi.org/10.22148/001c.73249

7 Әбдіханов У.К. Роллан Сейсенбаев және әлемдік әдеби процесс. Сейсенбаев прозасындағы зиялы қауым мен халық арасындағы қарым-қатынасты көрсету ерекшеліктері. – Саарбрюккен: Ламберт академиялық баспасы (LAP), 2015. – 252 б.

8 Андрющенко О.К., Абзулдинова Г.К. Р. Сейсенбаевтың «Үмітсіздік, немесе Өлілер құмды кезеді» романының идеологиялық және философиялық-моральдық ерекшеліктері // Тіл және әдебиет: Теориясы мен тәжірибесі. – 2023. – 2-том, № 4. – Б. 9–16. https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-6-14

9 Темиргазина З.К., Овчинникова А.В., Абзулдинова Г.К. Р. Сейсенбаевтың «Үмітсіздік, немесе Өлілер құмды кезеді» романындағы стильдік «құрақ көрпе» // Тілтаным. – 2024. – № 2 (94). – Б. 30–41. https://doi.org/10.55491/2411-6076-2024-2-30-41

ISSN 2788-7979 (online)
10 Сейсенбаев Р.Ш. Соғыстан кейін өмір сүрейік // Өмір сүргіңіз келсе: Роман, әңгімелер. – М.: Советский Писатель, 1983. – Б. 415–446.
11 Сейсенбаев Р.Ш. Әлем құлаған күн: Әңгімелер. – Алматы: Жидебай, Абай халықаралық клубы, 2002. – 88 б.
12 Сейсенбаев Р.Ш. Құмды кезген өлілер. – Алматы: Жидебай, Абай халықаралық клубы, 2006. – 672 б.
13 Сейсенбаев Р.Ш. Шайтан тағы: Романдар. – Алматы: Жидебай, Абай халықаралық клубы, 2007. – 603 б.
14 Темірғазина З.К. Қазақ эпосындағы батыр батыр архетипі ретінде: Ә. Марғұланның және қазіргі заманғы зерттеушілердің тұжырымдамалары // Тіл және әдебиет: Теориясы мен тәжірибесі. – 2024. – Т. 3, № 1. – Б. 20–27. https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-1-49-56
15 Хазбулатов А.Р. Дәуірлер диаграммасындағы қазақ мәдениетінің анималистік әлемі. – Астана: ҚазНИИК, 2017. – 560 б.

Материал 28.06.2026 баспаға түсті

Specific Features of Magical Realism in the Prose of Rollan Seisenbaev

Z. Temirgazina[1], Zh. Atygayeva[1]
[1] Margulan University, Pavlodar, 143002, Kazakhstan

The article presents an analysis of the manifestations of magical realism in the works of the Kazakh writer Rollan Seisenbaev. Elements of magical realism are examined within the context of colonial and postcolonial discourse. The study identifies specific features of the realization of magical realism in Seisenbaev's works. The author constructs a dual-world model in which the objective and the mystical are intertwined, and the fantastic and the real coexist and interpenetrate. Magical realism as a literary method enables a deeper interpretation of reality, revealing its underlying motives and latent connections. Several principal directions in the realization of magical realism in the poetics of Rollan Seisenbaev have been identified, shaped by the influence of colonial and postcolonial discourse. These include the distinctive configuration of the chronotope, the interpretation of nature as a living force, various modes of incorporating the supernatural into reality, and the globalization of local myths. The chronotope is characterized by the blurring and permeability of boundaries between the real and the unreal, facilitating their interpenetration in dreams and visions. In addition, magical realism is marked by the nonlinearity of time, temporal shifts, and the atemporal development of the narrative. In Seisenbaev's works, nature is endowed with animacy; in the novel "The Dead Wander in the Sands," the sea is depicted as a living, suffering entity. Animalistic imagery is highly symbolic: the mutating mythological creatures Ana-balyk, Ata-balyk, and the brown catfish function as metaphors for anthropogenic collapse when humans lose control over the environment. Alongside dreams and visions, legends, prophecies, and fantastical aspirations serve as natural means of incorporating the mystical into everyday life, as seen, for example, in the short story "The Day the World Collapsed." The eschatological nature of real-world events (the desiccation of the Aral Sea, nuclear explosions, the evacuation of aul residents) leads to the actualization of cultural myths and folkloric images within a postcolonial context.

Key words: Rollan Seisenbaev, atemporality, dreams, visions, mysticism, colonial discourse, postcolonial discourse.

REFERENCES

1 Caffrey C. Magical realism. 2022. Available at: https://www.ebsco.com/research-starters/literature-and-writing/magical-realism (accessed 5.03.2026).
2 Faris W.B. Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative. (Nashville: Vanderbilt University Press, 2004).

ISSN 2788-7979 (online)
3 Arva E.L. The Traumatic Imagination: Histories of Violence in Magical Realist Fiction. (Amherst, NY: Cambria Press, 2011), 1–60.
4 Sasser K.A. Magical Realism and Cosmopolitanism: Strategizing belonging. (Springer, 2014). https://doi.org/10.1057/9781137301901_7
5 Slemon S. Magic Realism as Post-Colonial Discourse. Canadian Literature: A Quarterly of Criticism and Review, 116, 9–24 (2021). https://doi.org/10.14288/cl.v0i116.194263
6 Figlerowicz M., Mertehikian L. An Ever-Expanding World Literary Genre: Defining Magic Realism on Wikipedia. Journal of Cultural Analytics, 8(2), (2023). https://doi.org/10.22148/001c.73249
7 Abdykhanov U.K. Rollan Seisenbaev i mirovoy literaturnyy protsess. Svoeobrazie otrazheniya vzaimootnosheniya intelligentsii i naroda v proze Seisenbaeva [Rollan Seisenbaev and the World Literary Process. The Originality of the Reflection of the Relationship between the Intelligentsia and the People in Seisenbaev's prose]. (Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, LAP, 2015). [in Russian].
8 Andryuchshenko O., Abzuldinova G. Filosofsko-nravstvennyye osobennosti romana R.Sh. Seisenbaeva "Otchayaniye, ili Mertvyye brodyat po peskam" [Ideological and Philosophical and Moral Features of R. Seisenbaev's Novel "Despair, or the Dead Wander in the Sands"]. Til žäne ädebiet: teoriyâsy men täžìribesì [Language and Literature: Theory and Practice], 2(4), 9–16 (2023). https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-6-14 [in Russian].
9 Temirgazina, Z.K., Ovchinnikova A., Abzuldinova G.K. Stilisticheskiy "patchwork" v romane R. Seisenbaeva "Otchayaniye, ili Mertvyye brodyat v peskakh" [Stylistic "patchwork" in R. Seisenbaev's novel "Despair, or the Dead Wander in the Sands"]. Tiltanym, 2(94), 30–41 (2024). https://doi.org/10.55491/2411-6076-2024-2-30-41 [in Russian].
10 Seisenbaev R. Zazhivem posle voyny. [Let's Live after the War]. In Yesli khochesh' zhit': roman, povesti. (Moscow: Sovetskiy pisatel', 1983), 415–446. [in Russian].
11 Seisenbaev R. Den', kogda rukhnul mir: rasskazy. [The Day the World Collapsed: Stories]. (Almaty: Zhidebay, Mezhdunarodnyy klub Abaya, 2002). [in Russian].
12 Seisenbaev R. Mertvyye brodyat v peskakh. [The Dead Wander in the Sands]. (Almaty: Zhidebay, Mezhdunarodnyy klub Abaya, 2006). [in Russian].
13 Seisenbaev R. Tron satany: romany. [The Throne of Satan: Novels]. (Almaty: Zhidebay, Mezhdunarodnyy klub Abaya, 2007). [in Russian].
14 Temirgazina Z. Batyr v kazakhskom epose kak arkhetip geroya: kontseptsii A. Margulana i sovremennykh issledovateley [Batyr in the Kazakh epic as an archetype of a hero: concepts of A. Margulan and modern researchers]. Til žäne ädebiet: teoriyâsy men täžìribesì [Language and Literature: Theory and Practice], 3(1), 20–27 (2024). https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-1-49-56 [in Russian].
15 Khazbulatov A.R. Animalisticheskaya vselennaya kazakhskoy kul'tury v diagramme epokh [Animalistic Universe of Kazakh Culture in the Diagram of Epochs]. (Astana: KazNIIK, 2017). [in Russian].

Received: 28.06.2026